

Притча о блудном сыне изложена в Святом Евангелии от Луки. Там речь идет о сыне, который потребовал у отца свою долю наследства, пропьянствовал, прогулял и провеселил его, а когда посчитал, что осталось, то прослезился, пошел к отцу, и тот его простил. Смысл всей притчи в ее концовке, ибо, кроме блудного, у отца был еще и хороший сын, и он возмутился отцовским попустительством: «Почему ради меня не было пира, а ради него такие пассы?» И отец пробормотал что-то совершенно невразумительное и непонятное с житейской точки зрения: «Сын мой! Ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Получается, что пей-гуляй-грешни, но достаточно раскаяться — и ты молодец, а если ты живешь нормально, то это вроде так и надо и говорить здесь особо не о чем.

Поскольку такой слишком очевидный смысл как-то мало согласуется с религиозной доктриной, то проповедники всех мастей напустили на сюжет массу мистико-символического туману, чтобы хоть как-то ввести в ранг высокого смысла эту незатейливую и банальную историю.

Вот так передает ее мораль один из ранних христианских мыслителей К. Александрийский (в современном изложении): «Отцовские страдания в начале истории не оказывают никакого влияния на беспутного сына: сын их просто не понимает. Сын должен иметь опыт и «демонстрацию перед глазами отцовских страданий». Без такой демонстрации сын никогда бы не понял, что он причина раздора («разорванных родственных связей»)).

Были и другие толкования, не менее остроумные и уж точно более глубокие в психологическом и философском плане, но все они идут поверх текста, высказывают мысли автора, отталкивающегося от священного текста, в котором подобных мыслей и не было. Таким образом, кстати, и пытаются «понять» Библию кто во что горазд. Но и сами притчи, особенно евангельские, при всей своей сюжетной и лингвистической простоте и ясности озадачивают совершенно неадекватным поведением персонажей. Так что толковать их не перетолковать.

Нельзя, однако, не обратить внимания, что Христов интерес как-то все время крутится вокруг маргинальных личностей, не только в социальном, но и в психологическом плане. Это вроде как у автора этих строк. Работая в университете, часто замечал: кучу времени и труда тратишь на всяких двоечников,

которых по-хорошему бы и на порог университета пускать не надо, разве лишь в качестве разнорабочих, а при этом столько нормальных ребят и девчат, а то и просто талантливых, остаются вне поля зрения. Или как говорил сам Христос (у Б. Акунина в «Красном петухе»): «Такая у меня оккупация — с мизерабиями разговаривать».

«ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ» В ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

Простота притч делает их излюбленной темой для передачи изобразительными средствами. Так, притча о блудном сыне стала одним из излюбленных сюжетов средневекового искусства. В отличие от поэтики современного («лови момент»), средневековое изобразительное искусство (и не только средневековое) относилось к повествовательным жанрам. Так, тема блудного сына обыкновенно развертывалась в этакий сериал из нескольких картинок: блудный сын получает свою долю наследства; он уходит из дома; он пирует с куртизанками на постоялом дворе; они прогоняют его, когда у него кончаются деньги; он пасет свиней; он возвращается домой и раскаивается перед своим отцом.

Впервые данная притча встречается в витражах французских кафедральных соборов XIII века и не уходит из живописи до Нового времени. А во всяких там календарях и народных книжках бытует и до сих пор. Мастера Возрождения видели в примирении отца с непутевым сыном красивое и занимательное зрелище. Так, в картине венецианского художника Бонифацио действие происходит перед богатой усадьбой, на глазах у многолюдной разряженной толпы. Но, конечно, самым мощным воплощением притчи является картина Рембрандта, очень быстро ставившая забыть предшественников и коллег великого голландца.

Заметим, что легенда о блудном сыне была очень популярна в Голландии XVII века, как и в целом библейские сюжеты. В 1630 году в Амстердаме была поставлена драма Хоофта, классика голландской литературы, «Возвращение блудного сына». Народная книга с этим сюжетом и немудреными рисунками тогдашних иллюстраторов переиздавалась каждый год.

Пользовался успехом сюжет и у мастеров кисти. Художники Ян Хемессен, Иоахим Бейке Лар, Габриэль Метсю и другие изображали различные эпизоды из жизни блудного сына. На одной картине запечатлены сцены в трактире, как на известной картине Хорнхоста; на другой — момент изгнания из публичного дома; на третьей — обнищавший блудный сын пасет свиней. В отличие от итальянцев, нидерландских художников с их суровой протестантской этикой привлекали больше испытания, которым непокорный сын подвергался на чужбине (например, сцена, когда опустившийся беспутник на скотном дворе среди свиней готов был благочестивой молитвой искупить свои прегрешения).

Живопись была любимым видом искусства в Голландии. Картины писались на заказ и обычно стоили в Голландии относительно недорого. Поэтому они создавались в большом количестве. Множество художников работало во всех крупных городах. Кроме того, с них делали многочисленные копии и относительно недорогие гравюры и олеографии, так что можно сказать, что живопись была тогда абсолютно массовым искусством. А дух всеобщей религиозности делал сюжеты животрепещущими и понятными всем.

То есть Рембрандт творил не для вечности, а для самого обыденного ширпотреба. К сюжету о блудном сыне он обращался много раз. Впервые история блудного

сына была представлена Рембрандтом в гравюре, на которой он перенес библейский сюжет в голландскую обстановку и изобразил сына как костлявое, полуголое существо. К этому времени относится и рисунок, на котором отец энергично сжимает рукой лохматую голову кающегося сына: даже в минуту примирения он желает показать свою отцовскую власть. Прославленный «Автопортрет с Саскией» тоже относят в эту же серию: блудный сын развлекается с куртизанкой.

Так что знаменитая картина — это итог многолетних его поисков и раздумий над данным сюжетом. Искусствоведы довольно-таки подробно изучили произведение Рембрандта. Так, признанный советский мэтр искусствоведения М. Алпатов считал главным героем картины отца, а блудный сын — лишь повод для того, чтобы отец мог проявить свое великодушие. Он даже полагал, что картина могла бы называться «Отец, прощающий блудного сына».

Но как бы то ни было, смысл картины предельно ясен: перед нами сострадание в чистом виде. И ни повод, ни вся предыдущая история, ни таинственный евангельский смысл не имеют к изображенному на картине никакого отношения. Разве лишь упоминание притчи в названии говорит, что это происходит одновременно — и здесь, и сейчас, и везде, и всегда.

